

12+

Полночный Кролик

Анастасия Дэвис

Анастасия Дэвис

Полночный Кролик

<https://litres.ru/74152054>

ISBN 9785007013253

Аннотация

В городке Туманный Росток кафе «Полночный кролик» веками дарило людям забвение горьких обид. Но когда накануне Затмения старинный рецепт исчезает, город погружается в хаос возвращенной боли. Хозяйка кафе Мелисса и загадочный пес Арчи начинают охоту за вором. Им предстоит понять: истинное исцеление не в попытках забыть прошлое, а в мужестве принять его и научиться прощать.

Содержание

Глава 1. Утренний ритуал и шепот ивовой мебели	5
Глава 2. Предчувствие затмения и горечь полыни	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Полночный Кролик

Анастасия Дэвис

Иллюстратор Анастасия Алексеевна Самуткина

© Анастасия Дэвис, 2026

© Анастасия Алексеевна Самуткина, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-1325-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Утренний ритуал и шепот ивовой мебели

Туман в городке Туманный Росток не просто висел в воздухе — он жил своей жизнью. Каждое утро он лениво вползал в низину со склонов Горных Шпилей, обволакивал черепичные крыши и заглядывал в замочные скважины, принося с собой запахи мокрого сланца и далеких ледников. Но у порога кафе «Полночный кролик» туман вежливо останавливался. Он словно знал: здесь начинается территория других ароматов.

Мелисса повернула тяжелый бронзовый ключ в замочной скважине ровно в шесть утра. Замок ответил мягким, сытым щелчком. Стоило ей переступить порог, как кафе отозвалось на её присутствие. Стулья из старой ивы, расставленные вокруг круглых столов, сладко потянулись, издав коллективный скрип, похожий на сонный вздох.

— Доброе утро, сони, — негромко произнесла Мелисса, вешая пальто на крючок, сделанный в виде заячьей лапки.

В ответ на её голос в глубине зала шевельнулась тень. На барную стойку, обитую медью, запрыгнула Сажа — кошка-фамильяр, чья шерсть была настолько черной, что казалась прорехой в пространстве. Сажа не просто жила в кафе; она была его барометром. Если её хвост подергивался влево,

значит, день будет суетным. Если вправо — жди странных гостей. Сейчас хвост Сажи застыл вопросительным знаком, а желтые глаза внимательно следили за тем, как Мелисса надевает фартук, пахнувший лавандовым ополаскивателем.

Первым делом — огонь. Мелисса подошла к массивной чугунной плите, которую все в кафе называли «Матушка Берта». У Берты был скверный характер: она могла испечь идеальный бисквит за десять минут, а могла сжечь яичницу просто из вредности, если ей не нравилось настроение повара.

— Ну же, Берта, сегодня важный день, — прошептала Мелисса, прикладывая ладонь к холодному боку плиты. — Скоро Затмение. Городу нужно тепло.

Плита глухо заурчала. В её недрах само по себе вспыхнуло оранжевое пламя, и по залу пополз первый, самый важный запах дня — запах прогретого металла и сухих березовых дров.

Спустя минуту из подсобного помещения донеслось тяжелое топанье и ворчание, напоминающее треск перекачиваемых валунов. В дверях показался Грым. Для гнома он был невысоким, даже по меркам своего народа, но его плечи едва проходили в дверной проем, а борода, заплетенная в семь тугих косиц, доставала до колен. В каждой косице был вплетен медный зажим — знак мастерства кулинара-подземника.

— Опять эта печка возомнила себя королевой, — пробасил Грым вместо приветствия, швыряя на стол мешок с

отборным картофелем, на котором еще виднелась влажная земля. — Я слышал, как она фыркала, когда я завязывал шнуры. Мелисса, я тебе говорю: если она еще раз плюнет в меня углем, я уйду работать в шахты. Там, по крайней мере, камни не пытаются со мной спорить.

— Грым, она просто скучала по тебе всю ночь, — улыбнулась Мелисса, насыпая в медную турку зерна кофе, которые пахли горьким шоколадом и лесной почвой.

— Скучала она, как же, — буркнул гном, но при этом ласково погладил плиту широкой ладонью. — Слышь, Берта? Если тесто для утренних булочек не поднимется, я засуну в топку тот старый корень хрена, который ты так ненавидишь.

Плита в ответ возмущенно лязгнула заслонкой, но жар стал ровнее и мягче.

В этот момент входная дверь приоткрылась, и в кафе буквально «вплыла» Лия. Официантка-нимфа всегда появлялась так, будто её принесло легким сквозняком. На ней было платье из тончайшего льна цвета мяты, а её босые ноги едва касались ковра.

Мелисса невольно засмотрелась. Там, где пальцы ног Лии касались ворса, мгновенно пробивались крошечные, ослепительно белые маргаритки. Лия тут же испуганно охнула, выхватила из кармана маленькие серебряные садовые ножницы и ловко «чик-чик» — срезала цветы, пряча их в фартук.

— Ой, простите! Снова они! — покраснела нимфа, её кожа приобрела оттенок нежной розы. — Я так волнуюсь из-за

праздника, что совершенно не контролирую корни. То есть ноги. Доброе утро, Мелисса! Доброе утро, мастер Грым!

— Утро будет добрым, когда я увижу идеально чистые столы, — проворчал гном, но в его голосе не было злости. Он достал из кармана крошечный кристалл соли и подбросил его в воздух — кристалл завис над плитой, мягко подсвечивая рабочую зону Грыма синеватым светом.

Мелисса начала магический ритуал приготовления «Первого Кофе». В «Полночном кролике» кофе не просто варили. Мелисса достала серебряную ложечку, на которой были выгравированы фазы луны.

— Сахар, — скомандовала она.

Сахарница, стоявшая на полке, приподняла крышку, и три кубика рафинада сами прыгнули в турку. Ложечка начала размешивать напиток против часовой стрелки, создавая маленькую воронку. В центре воронки начал собираться свет — тусклый, золотистый, похожий на отражение звезд в пруду. Это был кофе «Утренняя надежда». Тот, кто выпивал его первым, получал иммунитет к мелким неудачам на весь день: он не спотыкался на ровном месте, не забывал ключи и не портил настроение коллегам.

— Грым, твой готов, — Мелисса поставила перед гномом тяжелую глиняную кружку.

Гном замолчал, принял кружку обеими руками, словно величайшую драгоценность, и сделал долгий глоток. Его брови, напоминавшие кусты ежевики, расправились.

— Пойдет, — коротко бросил он, но Мелисса видела, как в его глазах блеснула искра удовольствия.

Лия тем временем порхала по залу. Она протирала ивовые столики тряпкой, смоченной в настое мяты и солнечных бликов. Столы под её руками довольно поскрипывали, расправляя свои деревянные сочленения. Один стул, самый старый и капризный, стоящий у окна, попытался игриво прикусить Лию за подол, но та лишь погрозила ему пальцем.

— Веди себя прилично, — строго сказала она стулу. — Сегодня придет господин Томпсон, он весит больше ста килограммов, и если ты будешь капризничать, я попрошу Грыма прибить к тебе железные скобы.

Стул обиженно замер.

Мелисса подошла к окну и отодвинула тяжелую бархатную штору цвета ночного неба. Туман за стеклом начал редеть, открывая вид на мощеную улочку Туманного Ростка. Городок потихоньку просыпался. Зажглись фонари у лавки мясника, послышался звон колокольчика на шее молочной коровы, которую вели на пастбище.

Все казалось идеальным. Тихим. Правильным. Но Сажка вдруг спрыгнула с барной стойки и подошла к массивному дубовому сейфу, встроенному в стену за прилавком. Кошка выгнула спину и издала низкое, утробное шипение.

Мелисса почувствовала, как внутри всё похолодело. Этот сейф не открывали уже год. В нем, за семью печатями и магическими замками, хранилось то, что делало «Полночный

кролик» сердцем города — свиток с Рецептот Лунного Кекса.

— Сажа? Что такое? — Мелисса подошла к кошке.

От сейфа потянуло странным холодом. Это был не холод сквозняка, а мертвенный холод пустоты. Запах свежего кофе в мгновение ока перебила резкая, колючая нота горького миндаля.

Мелисса протянула руку к замку. Её пальцы дрожали. Она знала, что до праздника осталось всего три дня. Горожане уже начали приходить в кафе с этой особой, робкой надеждой в глазах — надеждой на то, что после одного кусочка кекса их старые обиды, их непрощенные ссоры и тяжелые воспоминания растворятся, как сахар в горячем чае.

Она приложила ладонь к стальной дверце. Магия сейфа, которая обычно узнавала её тепло, отозвалась тишиной. Глухой, пугающей тишиной.

— Грым, Лия... — голос Мелиссы сорвался на шепот. — Идите сюда. Быстро.

Гном замер с ножом над картофелиной. Лия выронила ножницы, и те со звоном упали на пол, тут же проросший густым ковром маргариток. Они оба почувствовали это. Атмосфера уюта в кафе разбилась, как тонкое стекло.

Мелисса рванула ручку сейфа. Дверца, которая должна была открыться только после сложного заклинания, просто поддалась, жалобно скрипнув.

Внутри было пусто.

Только на дне, там, где веками лежал пергамент, запечатанный воском из слез лесных фей, теперь лежала одна-единственная улика. Клок серой шерсти, который прямо на глазах у изумленной Мелиссы начал медленно менять цвет с пепельного на багровый.

И тихий, едва уловимый шепот ивовой мебели внезапно сменился на тревожный гул. Кафе чувствовало: его сердце украдено.

Пустота внутри сейфа казалась физически ощутимой, словно из комнаты выкачали весь воздух. Мелисса стояла неподвижно, её рука всё ещё сжимала холодную ручку дверцы. Горький миндаль. Этот запах теперь не просто витал в воздухе — он впитывался в обшивку стен, в скатерти, в самую душу «Полночного кролика».

— Быть не может... — прошептал Грым, подходя ближе. Его тяжелые сапоги гулко бухали по полу, но сейчас ивовая мебель не вздыхала, она словно затаила дыхание. Гном заглянул внутрь, и его густые брови сошлись на переносице так плотно, что стали похожи на одну сплошную полосу меха. — Этот сейф ковали мои родичи в кузницах под Железным Пиком. Его нельзя вскрыть ломом или отмычкой. Его даже динамитом не возьмешь! Нужно слово. Истинное слово.

— Или кто-то, кто знает, как обмануть металл, — Лия стояла чуть поодаль, прижимая ладони к щекам. Маргаритки у её ног начали стремительно желтеть и увядать, превращаясь в сухие коричневые стебли. — Мелисса, если рецепта

нет... Праздник Лунного затмения... Через три дня...

Мелисса наконец заставила себя пошевелиться. Она достала из сейфа клочок шерсти. На ощупь он был странным: жестким, как проволока, но при этом вибрировал под пальцами, словно в нем еще билось чужое эхо. Цвет окончательно закрепился на грязно-багровом.

— Это не просто кража, — сказала Мелисса, и её голос, на удивление, зазвучал твердо. Паника внутри неё уступила место холодной сосредоточенности — состоянию, которое всегда помогало ей, когда на кухне одновременно подгорали три заказа и заканчивались сливки. — Это предательство. Сейф открыли изнутри. Не физически, а... магически. Кто-то подобрал ключ к настроению кафе.

Сажа, кошка-фамильяр, внезапно запрыгнула на край открытой дверцы и, вытянув шею, принюхалась к багровому клочку. Её уши прижались к голове, а зрачки расширились так, что золотистая радужка почти исчезла.

— Сажа, ты что-то чувствуешь? — спросила Мелисса.

Кошка издала короткий, резкий «мяу» и посмотрела на входную дверь. В ту же секунду колокольчик над входом залился веселым трезвоном.

— Мы еще не открыты! — рявкнул Грым, оборачиваясь и хватая первое, что попало под руку — увесистый кочан капусты.

Дверь распахнулась, впуская в уютное полумрак кафе струю свежего, холодного воздуха и остатки утреннего тумана.

на. На пороге стоял человек. Он был высок, одет в безупречное серое пальто, которое казалось слишком дорогим для их маленького городка. В его руках был черный кожаный портфель, а на лице — вежливая, но совершенно безжизненная улыбка.

— Простите мою настойчивость, — произнес гость. Его голос напоминал шуршание сухих листьев по асфальту. — Я увидел свет в окне и не смог устоять перед ароматом вашего... — он на секунду запнулся, принюхавшись, — ...весьма специфического утреннего кофе.

Мелисса быстро закрыла дверцу сейфа спиной, стараясь сохранить самообладание. Она незаметно сунула клочок шерсти в карман фартука.

— Кафе открывается в семь, господин... — она сделала паузу, ожидая имени.

— О, прошу прощения. Артур Вейн. Представитель компании «Глобал-Фуд», — он сделал шаг внутрь, и ивовые стулья, обычно приветливые, синхронно отодвинулись от него, издав пронзительный скрип протеста. — Я здесь по поручению мэра. Мы обсуждаем перспективы развития Туманного Ростка. Ваше заведение — жемчужина этой низины. Но, согласитесь, жемчужине нужна... достойная оправка.

Грым сделал шаг вперед, угрожающе поигрывая кочаном капусты. — Нам не нужны ваши оправы, господин Вейн. Мы тут сами себе ювелиры. Проваливайте, пока я не вспомнил, как в старину гномы приветствовали незваных гостей.

Вейн даже не взглянул на повара. Его глаза, холодные и серые, как галька на дне горного ручья, были прикованы к Мелиссе.

— Я слышал, — вкрадчиво продолжил он, — что скоро у вас большой праздник. Лунное затмение. Весь город ждет знаменитый кекс. Говорят, его рецепт — единственный в своем роде. Настоящий раритет. Было бы очень досадно, если бы с таким... хрупким наследием что-то случилось. В современном мире безопасность превыше всего.

В воздухе снова отчетливо запахло миндалем. Мелисса почувствовала, как шерсть в её кармане вдруг стала горячей. Она поняла: этот человек знает. Или, по крайней мере, подзревает.

— Рецепт в полной безопасности, господин Вейн, — отчеканила она, глядя ему прямо в глаза. — Наша магия старше ваших корпораций. А теперь, если вы не планируете заказывать завтрак через двадцать минут, я попрошу вас уйти. У нас много работы.

Вейн слегка наклонил голову. Его улыбка не изменилась, но в глубине глаз промелькнуло нечто неприятное — так смотрит энтомолог на редкое насекомое, которое он вот-вот приколет булавкой к картону.

— Разумеется. Мое предложение о покупке права на франшизу остается в силе. Мы могли бы выпускать ваш «Лунный кекс» миллионными тиражами. Только представьте: весь мир забудет о своих обидах... за небольшую ежеме-

сячную подписку.

Он развернулся и вышел, не закрыв за собой дверь. Туман тут же попытался просочиться внутрь, но Лия, придя в себя, подбежала и с силой захлопнула створку.

— Он... он ужасен, — прошептала нимфа. — От него пахнет железом и мертвой водой. Мелисса, он ведь знает?

— Не знаю, — Мелисса подошла к столу и бессильно опустилась на стул. — Но он явно ждет, что мы провалимся. Грым, Лия, слушайте меня внимательно. Никто в городе не должен знать, что свиток пропал. Если начнется паника, Затмение превратится в катастрофу. Горожане копят свои обиды целый год, надеясь на этот день. Если они не получат «лекарство», Туманный Росток захлебнется в ссорах.

Грым с треском разломил кочан капусты пополам. — И что мы будем делать? Искать этого вора? У нас из улик только кошачья игрушка и запах горького ореха.

Мелисса вытащила руку из кармана. Клок шерсти теперь светился тусклым пульсирующим светом. — Мы начнем расследование прямо сейчас. Сажа, ищи!

Кошка, однако, не бросилась по следу. Вместо этого она подошла к черному входу, который вел на задний двор, где хранились дрова и пустые бочки. Она села у двери и начала настойчиво скрести когтями по дереву.

— Там кто-то есть, — Грым перехватил кухонный нож — огромный, с гравировкой рун на лезвии.

Они втроем подошли к двери. Мелисса медленно потяну-

ла щеколду.

На крыльце, свернувшись калачиком прямо на влажных досках, лежал пес. Это был крупный золотистый ретривер, но какой-то «неправильный». Его шерсть местами отливала серебром, а одно ухо было заметно длиннее другого. Услышав скрип двери, пес поднял голову.

Мелисса ахнула. Глаза у пса были разными: один — пронзительно голубой, как лед, другой — теплый, янтарный, как мед. Пес не залаял. Он просто посмотрел на Мелиссу, затем перевел взгляд на её карман, где лежал клочок шерсти, и тихо, жалобно заскулил. К его ошейнику — грубой веревке — была привязана записка, промокшая от тумана.

Мелисса дрожащими пальцами отвязала клочок бумаги. На нем неровным, торопливым почерком было написано всего несколько слов:

«Он чует то, что скрыто. Он приведет к обещаниям. Не верьте тишине».

— Это еще что за подкидыш? — проворчал Грым, опуская нож. — Нам только лишнего рта не хватало в такой день.

Пес встал, подошел к Грымму и... чихнул. Из его носа вылетело облачко золотистых искр, которые тут же осели на бороду гнома. Грым замер, его лицо вдруг разгладилось, а гневная складка между бровей исчезла.

— О... — выдохнул он. — У него дыхание пахнет ванилью и... старыми книгами?

Мелисса присела перед псом. Тот лизнул её в ладонь, и

в этот момент она почувствовала странный укол узнавания. Словно этот пес был частью той самой магии, которая исчезла вместе с рецептом.

— Его зовут Арчи, — уверенно сказала она, хотя имя просто всплыло в её голове. — И он здесь не случайно. Грым, налей ему воды. Лия, принеси тот старый коврик из кладовой.

Мелисса посмотрела на пустой сейф, потом на пса, который уже по-хозяйски зашел в зал и улегся на самое солнечное место (которое он нашел магическим образом, несмотря на туман за окном).

— У нас три дня, — сказала Мелисса, глядя на своих друзей. — Мы найдем рецепт. Или, клянусь своей печью, мы создадим новый, даже если нам придется обыскать каждый подвал в этом городе.

В этот момент часы на городской ратуше пробили семь. Послышался первый робкий стук в дверь — это пришел аптекарь господин Хопкинс за своим утренним круассаном.

Мелисса глубоко вдохнула, поправила фартук и кивнула Лие. — Открывай. Праздник должен продолжаться, чего бы нам это ни стоило.

Лия распахнула двери, и в «Полночный кролик» хлынул первый поток посетителей, не подозревающих, что сегодня их кофе будет с привкусом великой тайны. Глава города Туманный Росток официально начала свой отчет к самому важному дню в году, и только четверо в этом зале знали, что

равновесие мира висит на тонком клочке серой шерсти.

Глава 2. Предчувствие затмения и горечь полыни

Город Туманный Росток в преддверии Лунного затмения всегда напоминал растревоженный улей, в который вместо дыма пустили аромат сахарной пудры и хвои. Жители суетились, украшали свои веранды фонариками из синего стекла и вешали на двери пучки сушеной лаванды — считалось, что она помогает «успокоить» старые обиды до того, как их окончательно излечит Лунный Кекс.

В «Полночном кролике» звон дверного колокольчика не утихал ни на минуту. Это был особый звук — высокий, серебристый, он словно отсекал уличный шум, оставляя за порогом суету и холодный горный ветер.

— Доброе утро, Лия! Доброе утро, Мелисса! — господин Хопкинс, местный аптекарь, вошел, стряхивая капли тумана со своего поношенного котелка.

Он был похож на сухофрукт: сморщенный, но сохраняющий в себе какую-то скрытую сладость и мудрость. Хопкинс прошел к своему любимому столику в углу — тому самому, который Лия по утрам уговаривала не кусаться. Стул под аптекарем довольно скрипнул, принимая привычную форму.

— Как обычно, господин Хопкинс? — Лия подплыла к нему, её шаги едва касались пола, а маргаритки, которые она

не успела состричь, оставляли на ковре крошечные белые искры. — Чай из луговых трав и овсяное печенье с семенами льна?

— Сегодня, деточка, мне нужно что-то покрепче, — вздохнул аптекарь, вытирая очки клетчатым платком. — Затмение на носу, и суставы крутит, и мысли... мысли, знаешь ли, лезут всякие. Старые рецепты не помогают. Налей-ка мне «Грозное облако» с двойной порцией корицы.

Мелисса, стоявшая за стойкой, кивнула. «Грозное облако» был напитком для тех, кому нужно было выпустить пар. Когда горячее молоко соприкасалось с особым сортом какао, над кружкой поднимался густой серый пар, в котором иногда сверкали микроскопические безвредные молнии. Выпив его, человек чувствовал облегчение, словно после долгого ливня.

— Мелисса, деточка, — Хопкинс понизил голос, когда хозяйка подошла подать заказ. — Говорят, в городе видели чужаков. Из этих... «эффективных менеджеров». Ты уж приглядывай за своим кафе. Таких мест, где можно просто выдохнуть, почти не осталось.

— Спасибо за заботу, господин Хопкинс. Мы держимся, — Мелисса заставила себя улыбнуться, хотя тяжесть украденного свитка в мыслях ощущалась как свинец.

Она мельком взглянула на Арчи. Пес-подкидыш вел себя на удивление тихо. Он лежал под барной стойкой, положив морду на лапы, но его разные глаза — голубой и янтарный — неустанно следили за каждым входящим. Когда зашел Хоп-

кинс, Арчи лишь вильнул хвостом, признавая в нем «своего».

В кафе начали подтягиваться и другие постоянные гости. Пришла фрау Гертруда, владелица прачечной, чьи руки вечно пахли щелоком и свежим бельем. Она всегда заказывала «Сливочную нежность», чтобы смягчить свой суровый характер. За ней зашли братья-близнецы, работающие в местной газете — они вечно спорили о заголовках, и только черничные кексы Грыма могли заставить их замолчать хотя бы на десять минут.

Грым в своей стихии на кухне был подобен яростному шторму. Слышно было, как он стучит ножами и ругается на духов огня, которые сегодня были слишком игривы. — Эй, Лия! Забирай свои пышки, пока они не решили, что умеют летать! — проорал он из раздаточного окна.

Лия ловко подхватила поднос. Пышки действительно слегка вибрировали, стремясь оторваться от тарелки — Грым добавил в тесто немного пыльцы «прыгучей травы» для легкости.

Атмосфера в зале была наполнена тихим гулом голосов, звоном ложечек о фарфор и тем самым ощущением «безопасной гавани», которое Мелисса выстраивала годами. Люди приходили сюда не просто поесть. Они приходили, чтобы сбросить тяжелые пальто своих забот. Здесь, в свете медовых ламп, их проблемы казались не такими уж нерешаемыми.

Мелисса наблюдала за ними, и её сердце сжималось. Каж-

дый из этих людей ждал праздника Луны. Для Хопкинса это была возможность простить себе старую ошибку в расчетах лекарства. Для фрау Гертруды — забыть об одиночестве. Что будет с ними через три дня, когда они узнают, что главного ингредиента их исцеления больше нет?

Сажа внезапно вскочила на стойку. Её шерсть на загривке встала дыбом, а хвост замер в положении «опасность». Арчи под стойкой тоже изменился — он не зарычал, но издал странный звук, похожий на натянутую струну.

Дверь кафе открылась медленно, без привычного веселого звона. Колокольчик словно подавился звуком, издав лишь тухлой, приглушенный стон.

В заведение вошел человек, который мгновенно разрушил гармонию уюта. Он был закутан в тяжелый дорожный плащ цвета мокрого асфальта, капюшон был наброшен так низко, что видны были только острый подбородок и тонкие, бледные губы. От него не пахло ни туманом, ни дорогой. От него веяло сухой, вымороженной пылью и заброшенными чердаками.

Он не стал оглядываться в поиске свободного места. Он прошел прямо к барной стойке и сел на крайний стул. Ивовый стул под ним не просто скрипнул — он жалобно хрустнул, словно дерево внезапно высохло и превратилось в труху.

Лия, которая обычно порхала навстречу клиентам, замерла на полпути. Маргаритки у её ног не просто завяли — они

почернели и рассыпались пеплом.

Человек в плаще не поднимал головы. Его руки, обтянутые тонкими кожаными перчатками, легли на медную поверхность стойки. Медь под его пальцами мгновенно подернулась патиной, утратив свой солнечный блеск.

— Добрый день, — голос Мелиссы прозвучал натянуто. Она чувствовала, как внутри всё кричит: «Уведи его отсюда!». — Что я могу вам предложить? У нас сегодня отличные булочки с корицей и...

— Чай из полыни, — перебил её гость. Голос был сухим, лишенным интонаций, как шелест старой бумаги. — Чистой полыни. Без сахара. Без меда. И без вашей... — он сделал паузу, — навязчивой доброты.

Мелисса похолодела. Полынь в чистом виде в их кафе заказывали только в одном случае: если человек хотел не забыть обиду, а, наоборот, обострить её, сделать колючей и вечной. Это был напиток ненависти, полная противоположность Лунному Кексу.

— У нас... — Мелисса сглотнула, — у нас не подают чистую полынь. Это вредно для...

— Подают, — гость наконец поднял голову. Из-под капюшона на неё взглянули глаза, в которых не было зрачков — только ровная, матовая желтизна, похожая на застоявшуюся серу. — В этом заведении всегда было всё, что нужно для человеческого сердца. Даже если сердце хочет горечи.

Сажа на стойке зашипела, выпустив когти. Человек мед-

ленно перевел взгляд на кошку, и та, вскрикнув, отпрянула, едва не свалив вазу с сухоцветами. Арчи под стойкой начал мелко дрожать, его янтарный глаз стал ярко-красным.

Мелисса поняла: это не просто странный гость. Это предупреждение. Или первая тень того, что украло её рецепт.

Мелисса медленно повернулась к полкам с банками. Её руки действовали на автомате, но мозг лихорадочно соображал. Полынь хранилась в самом дальнем углу, в банке из темного стекла, запечатанной свинцовой крышкой. Грым всегда говорил, что эта трава — «колючая проволока для души», и использовал её лишь в микроскопических дозах для лечебных бальзамов.

Достав банку, Мелисса почувствовала, как по пальцам пробежал холод. Она насыпала серые, невзрачные листья в чайник.

— Грым, горячей воды, — негромко позвала она.

Гном появился в раздаточном окне. Обычно шумный и ворчливый, сейчас он был непривычно тих. Он посмотрел на гостя в плаще, и его косицы в бороде едва заметно дрогнули. Грым не стал шутить. Он молча подал чайник с кипятком, который кипел так яростно, что крышка подпрыгивала.

Когда Мелисса поставила перед незнакомцем чашку с темной, почти черной жидкостью, от которой исходил резкий, удушливый аромат горечи, по залу прошел ропот. Постоянные клиенты притихли. Господин Хопкинс перестал жевать свое печенье и с тревогой посмотрел на Мелиссу.

Фрау Гертруда плотнее запахнула шаль. Уют, который созидался часами, испарился за секунды, вытесненный этим тяжелым, полынным присутствием.

Гость взял чашку. Его движения были медленными, пугающе выверенными. Он не подул на кипяток, а просто сделал глоток, словно его небо было сделано из камня.

— Слишком много света в этом городе, — произнес он, глядя в свою чашку. — Туманный Росток стал слишком мягким. Люди разучились хранить свою боль. Они меняют её на ваши сладости. Это... противоестественно.

— Прощение — это не слабость, — твердо ответила Мелисса, опершись руками о стойку. — Это выбор. И наше кафе помогает людям сделать этот выбор чуть легче.

Незнакомец издал звук, похожий на сухой смешок. — Скоро у них не будет выбора. Когда луна скроется, и кекс не будет подан... туман в их душах станет гуще, чем тот, что за окном. Обиды — это корни. А корни нельзя просто вырвать и заменить сахаром.

Мелисса почувствовала, как в кармане фартука снова начал пульсировать клочок шерсти. Он стал горячим, почти обжигающим. Она поняла, что этот гость — не вор, вор был кем-то более скрытным, но этот человек... он был глашатаем надвигающейся бури.

— Откуда вы знаете о кексе? — спросила она шепотом. — И кто вы такой?

Человек поставил чашку. Она была пуста до самого дна.

Полюнь, которую обычный человек не смог бы допить без содрогания, исчезла в нем без остатка. — Я тот, кто помнит обещания, которые вы предпочли забыть, Мелисса. И я пришел посмотреть, как рушится ваш карточный домик из корицы и надежды.

Он встал. Плащ колыхнулся, и на мгновение Мелиссе показалось, что под полой одежды нет ног, а только клубящийся серый дым. Но это было лишь мгновение — в следующую секунду он уже шел к выходу.

Арчи внезапно выскочил из-под стойки. Пес преградил путь незнакомцу. Его шерсть на загривке стояла дыбом, а глаза светились так ярко, что на полу отражались два круга — ледяной голубой и медовый желтый.

Незнакомец остановился. Он посмотрел на пса с чем-то похожим на удивление. — О... ты всё-таки выжил, — прошептал он. — Маленький осколок памяти. Но ты не сможешь учуять то, чего больше нет в этом мире.

Он замахнулся рукой, словно хотел ударить пса, но Арчи не отступил. Пес издал звонкий, чистый лай. Этот звук был странным — он не пугал, а словно очищал пространство. От звука этого лая патина на медной стойке исчезла, а маргаритки у ног Лии снова подняли свои головки.

Человек в плаще вздрогнул, шикнул, как потревоженная змея, и стремительно выскочил за дверь. Колокольчик снова промолчал.

В кафе воцарилась гробовая тишина. Лия медленно подо-

шла к двери и закрыла её на засов, хотя до закрытия было еще далеко.

— Мелисса... — Хопкинс поднялся со своего места. — Что это было? Кто этот господин?

— Просто... странствующий торговец горечью, — Мелисса постаралась, чтобы её голос звучал спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Пожалуйста, возвращайтесь к своим завтракам. Грым! Принеси всем за счет заведения по маленькой порции медовых сот. Нам нужно подсластить этот полдень.

Люди начали понемногу расслабляться, но былого уюта не возвращалось. Все чувствовали: что-то изменилось.

Мелисса подошла к Арчи. Пес сидел у двери, глядя в стекло. — Ты его знаешь, да? — тихо спросила она, погладив пса за длинным серебристым ухом. — Ты знаешь, кто украл рецепт.

Арчи посмотрел на неё своими разными глазами. В голубом глазу она увидела отражение заснеженных гор, а в янтарном — огонь домашнего очага. Пес аккуратно взял зубами край её фартука и потянул в сторону кладовой, где хранились запасы муки и специй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.